

замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации», пункт 4.

3) Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 N 612 (ред. от 04.10.2012) "Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом" (27 сентября 2007 г.), пункт 5.

4) Славич-Приступа А.С. Практический маркетинг для аптек. - Издательство "Ремедиум", 2005. - с. 17.

5) Федеральный закон от 09.01.1997 № 5-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О предоставлении социальных гарантий Героям Социалистического Труда, Героям Труда Российской Федерации и полным Кавалерам Ордена Трудовой Славы», статья 2.

6) Федеральный закон от 15.01.1993 № 4301-1 «О статусе героев советского союза, героев российской федерации полных кавалеров ордена славы», статья 1.1.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

М.А. Меда,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
lady.meda@mail.ru
Научный руководитель:
Н.В. Сидорова,
доцент кафедры уголовного
права и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Развитие уголовного судопроизводства в последнее время характеризуется поиском наиболее эффективных способов разрешения уголовно-правового конфликта с учетом интересов личности, общества и государства. Особую актуальность в связи с этим приобрела и концепция восстановительной юстиции, основанная на использовании альтернативных уголовному преследованию механизмов, в том числе, процедуры медиации. Необходимость применения последней на практике была обозначена на международном уровне в Рекомендации комитета министров Совета Европы, позже – на государственном уровне в федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России».

Как следствие, 1 января 2011 года вступил в силу Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Этот Закон не предусматривает распространение его положений на уголовный процесс. Однако многими теоретиками и практиками норма статьи 25 УПК РФ, предусматривающая возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, рассматривается как своего рода зачаток медиации в уголовном судопроизводстве.

Несмотря на то, что норма о возможности примирения сторон в уголовном процессе значилась в УПК с самого момента его принятия, за более чем десять лет законодатель никак не детализировал и не совершенствовал её положения.

Вместе с тем, существует немало практических проблем, давно требующих анализа и разрешения на законодательном уровне.

В частности, предусматривая заглаживание причиненного вреда как необходимое условие прекращения уголовного дела за примирением сторон, законодатель не регламентирует обязанность обвиняемого представить доказательства такого заглаживания. Подтверждение потерпевшим факта заглаживания вреда является единственным доказательством его осуществления в принципе. Законом не предусмотрена защита потерпевшего от недобросовестного обвиняемого, и, следовательно, цель уголовного судопроизводства в таком случае не достигается.

Кроме этого, закон не регламентирует, каким образом следует оформлять примирение потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого), что, на наш взгляд, является одним из существенных пробелов в регулировании рассматриваемого вопроса. Как справедливо отмечает профессор Смахтин, невольно возникает вопрос: как при отсутствии четкой регламентации процедуры примирения осуществляется сам процесс прекращения уголовных дел? [2]

В целях реализации гарантий прав потерпевшего на защиту от ненадлежащего исполнения обвиняемым обязанности по возмещению причиненного преступлением вреда, предлагаем дополнить ст. 25 УПК РФ обязанностью участников процедуры примирения представлять соответствующие документы и иные доказательства, подтверждающие заглаживание вреда.

Что касается отсутствия регламентированной процедуры примирения, то эту проблему как и многие пробелы регулирования примирения, возможно решить путем нормотворчества, добавив новую статью либо отдельный пункт в ст.25 действующего УПК. На наш взгляд, содержание такой статьи (пункта) могло бы быть следующим:

«Уголовное дело прекращается в связи с примирением сторон при наличии в материалах уголовного дела следующих документов:

- 1) заявления потерпевшего о примирении с подозреваемым или обвиняемым;
- 2) документов, подтверждающих возмещение подозреваемым или обвиняемым причиненного преступлением вреда (платежных документов, справок официальных органов и других документов);
- 3) документов, подтверждающих полномочия представителя организации (учреждения) на примирение;
- 4) документов, подтверждающих добровольность и осознанность волеизъявления потерпевшего, являющегося физическим лицом, на примирение с подозреваемым или обвиняемым».

Отдельно стоит проанализировать ситуации, когда преступления совершаются в отношении несовершеннолетних. Согласно статистическим данным за первое полугодие 2014 года, 985 уголовных дела было прекращено судами Тюменской области за примирением сторон, из них в отношении несовершеннолетних потерпевших – 42 уголовных дела или 4,2%.

Анализ вынесенных судом постановлений показывает, что большая часть преступлений в отношении несовершеннолетних совершается лицами, от которых несовершеннолетние потерпевшие находятся в зависимости – как правило, супругами или сожителями законных представителей несовершеннолетних потерпевших. И зачастую законные представители несовершеннолетних потерпевших, наделенные всеми процессуальными правами участника уголовного процесса, ходатайствуют о примирении, преследуя цели личного характера, забывая об интересах своих детей.

Решение этой проблемы видится во введении в судебную систему России ювенального суда, активно взаимодействующего с прокуратурой и различными службами, входящими в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Еще один актуальный вопрос – связь примирительных процедур с принципом процессуальной экономии. Как показывает анализ практики, значительное количество прекращенных судами уголовных дел связано с тем, что в ходе досудебного производства потерпевшими и обвиняемыми уже заявлялись ходатайства о прекращении уголовных дел, однако были отклонены и направлены в суд для рассмотрения по существу.

Так, по информации Прокуратуры области, только за первое полугодие 2014 года 98 уголовных дел или 7,9% могли быть прекращены в ходе предварительного расследования, и, соответственно, не проходить стадию судебного производства.

В связи с этим трудно не согласиться с мнением авторитетного специалиста в области уголовного процесса Воскобитовой о том, что «такие основания прекращения уголовного дела, как примирение сторон и деятельное раскаяние «фактически оказались «под негласным запретом», потому что их применение связано с усмотрением следователя и потенциально содержит гипотетическую угрозу коррумпированного применения этих оснований. Профессор Воскобитова отмечает, что перестраховываясь от одного зла, следователи и руководители следственных органов сознательно отказываются применять ст. 25 и 28 УПК РФ, действуя фактически вопреки требованиям закона [1].

Решением данной проблемы могло бы стать создание организационно отделенной от органов уголовного преследования должности следственного судьи – должностного лица, выполняющего судебную функцию в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Возложение на следственного судью (исключительно на него!) обязанности по рассмотрению вопросов, связанных с прекращением уголовного дела в связи с примирением сторон, освободило бы органы предварительного расследования и суды от аналогичных полномочий, позволив сконцентрировать свои усилия на тщательном расследовании преступлений, или, соответственно, на качественном рассмотрении и разрешении уголовных дел, примирение по которым не представляется возможным.

Подводя итог, отметим, что институт примирения сторон является важнейшей предпосылкой возникновения института медиации в уголовном судопроизводстве. Грамотное введение этого института обеспечило бы повышение качества судопроизводства и его эффективности. Однако прогресс, в том числе, правовой, возможен только после полного освоения предыдущего этапа развития. Нормативное закрепление гарантий прав потерпевшего, создание ювенального суда и введение должности следственного

судьи изменило бы процедуру примирения в сторону обеспечения большей защищенности участников процесса, несмотря на неприменение к преступнику мер государственного принуждения.

Список литературы:

1. Воскобитова Л.А. Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики // Уголовное судопроизводство. - 2010. № 2. 2–С.
2. Смахтин Е.В., Ларионова А.А. К вопросу о примирении сторон в уголовном процессе // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2013. N 1. С. 204 – 216

НЕПРЯМАЯ ЗАЩИТА СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

А.А. Мжельский,
студент ОмГУ им. Ф.М. Достоевского,
направление «Юриспруденция»
a.mzelski@yandex.ru
Научный руководитель:
М.Г. Седельникова,
заведующий кафедрой
экологического и социального права
ОмГУ им. Ф.М. Достоевского,
кандидат юридических наук, доцент

Каталог прав, которые содержит Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), ограничивается перечнем основных гражданских и политических прав. Однако благодаря применению Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ или Суд) в своей судебной практике расширительного толкования, мы можем наблюдать возникновение и развитие такого феномена, как непрямая защита социальных прав [1; 53].

Конвенция, а следовательно, и ЕСПЧ в равной мере защищают как материальные, так и процессуальные гарантии обеспечения реализации социальных прав

. Мы считаем целесообразным начать анализ механизма защиты социальных прав граждан в ЕСПЧ с анализа практики ЕСПЧ, касающейся защиты процедурных прав в социально-правовых спорах.

Вопрос о применимости ст. 6 к отношениям в социально правовой сфере долгое время был предметом дискуссии, поскольку исходя из своего содержания ст. 6 Конвенции распространяется только на споры о гражданских правах и обязанностях, а также на уголовное судопроизводство. Для дальнейшего рассмотрения следует разделить два вопроса защиты социальных прав: защита прав, связанных с уплатой средств в соответствующие фонды и защиты прав, связанных с получением средств из соответствующих фондов. Касательно прав, связанных с уплатой средств в соответствующие фонды, наиболее остро встает вопрос о том, что есть «гражданские права». Для начала следует отметить, что согласно современной практике Суда эта категория не может быть рассмотрена исключительно в свете её использования в национальном праве той или иной страны, напротив, категория «гражданские права» (civil rights) подлежит автономному трактованию в соотношении с буквой и духом Конвенции [2].

Изначально Суд и Европейская комиссия по правам человека исходили из того, что для признания того или иного права социального права «гражданским» в нём необходимо было проанализировать соотношение гражданско-правового и публично-правового элементов. Так, например, в решении по допустимости жалобы Фельдбрюгге против Нидерландов Комиссия сочла жалобу, касающуюся права на выплату пособия по временной нетрудоспособности, допустимой, на основании того, что право на пособие носит личный и экономический характер, а также возникает из трудового договора, а следовательно, является в большей степени гражданским, нежели публичным.

Впоследствии Суд в своей практике отказался от такого неоднозначного и субъективного подхода и стал придерживаться позиции, что в любом случае право на получение пособий и иных благ от системы социальной защиты подпадает под область действия ст. 6. В частности, в решении по делу Салези против Италии суд отметил *inter alia*: «На сегодняшний день ст. 6, по общему правилу, применяется к отношениям в сфере социального обеспечения.